

Е. Н. Яркова

Тюменский университет

Утилитаризм как нравственное основание модернизации культуры и общества

(На материале западной этико-философской традиции)*

В обширном пространстве нравственной культуры человечества можно выделить некоторый специфический тип нравственности — утилитаризм. Утверждая в качестве стержневого принципа полагания нравственных норм принцип пользы человека, утилитаризм, подобно легендарному Протею, необычайно изменчив и многолик. Такие феномены, как практицизм, прагматизм, меркантилизм, вещизм, дух мещанства, дух предпринимательства, достижительные ценности, можно интерпретировать как различные ипостаси утилитарной нравственности. Культивируя отношение к миру, как набору средств, благ, утилитаризм представляет собой явление изначально двойственное. С одной стороны, утилитарные смыслы являются неотъемлемой частью культуры человечества, полное забвение идеалов человеческой пользы равносильно массовому суициду. С другой стороны, абсолютизация утилитаризма, определение человеческой пользы как универсальной программы деятельности, сведение всего многообразия ее мотиваций к утилитарным интересам ведет к десублимации высокой культуры, моральной деградации общества, оборачивается тотальным эгоцидом. Таким образом, проблема меры утилитарности культуры и общества является одной из вечных проблем.

Не идеализируя утилитарную нравственность, необходимо выделить ее важнейшую позитивную функцию — утилитаризм является импульсом культурных изменений, катализатором социального развития. Присущая утилитаризму актуализация ценности безусловных человеческих благ рождает установку на рост материального и социального благосостояния, активизирует усилия, направленные на преобразование окружающей среды. Конечно, речь идет о специфической — прикладной, инструментальной стратегии развития, ограниченной сферой технологических усовершенствований внешнего мира (природы, общества). Кроме этого, не всякий утилитаризм инициирует созидательные процессы в обществе. В рамках первоначального умеренного утилитаризма основным способом увеличения объема благ представляется экстенсивное наращивание, уравнительное распределение и перераспределение уже существующих благ внутри избранной социальной общности. Развитый утилитаризм выдвигает стратегию интенсификации процессов благопроизводства, совершенствования

Елена Николаевна Яркова, доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. Специалист по проблемам философии утилитаризма, методологии культуры, глобалистики.

* Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ 03-03-00090а.

технологий и повышение эффективности деятельности, он неотделим от достижительного индивидуализма¹.

В культурно-историческом масштабе утилитаризм выступает как нравственное основание модернизационных процессов общества, он является мотивационным стимулом индустриализации. Можно с уверенностью говорить о том, что утилитаризм занимает срединную между традиционализмом и либерализмом позицию. Действительно, триада идеальных типов нравственности: *традиционализм — утилитаризм — либерализм* — формируется по схеме: *тезис — антитезис — синтез*. В качестве тезиса выступает нравственность традиционализма, полагающая в свое основание принцип опоры на авторитет традиции, соответственно несущая идею партиципации к трансцендентным, абсолютным, сакральным, потусторонним смыслам существования; утверждающая канонизированное поведение как образец жизнедеятельности. Традиционный тип нравственности освящает специфически традиционный тип воспроизводственной деятельности — простое воспроизводство, ориентированное на воспроизведение культуры и общества в неизменном виде.

Антитезой культуры традиционализма выступает утилитаризм. Решительно отказываясь от опоры на какой-либо внешний авторитет, нравственность утилитарного типа опирается на принцип пользы. Для нее типична партиципация к имманентным, профанным, посюсторонним смыслам существования, она строится на идее подчинения деятельности человека задаче достижения человеческого блага, которое в категориях этики утилитаризма осмысливается как Высшее благо. В рамках утилитаризма осуществляется переход от простого воспроизводства к расширенному.

Синтетический по своей сути либеральный² тип нравственности имеет в своем основании принцип самоорганизации, который можно расшифровать как принцип полагания ценностей на основе рационального анализа и синтеза различных элементов действительности. Либеральная нравственность формируется как «срединная культура» между сложившимися трансцендентными и имманентными, абсолютными и относительными, потусторонними и посюсторонними, сакральными и профанными, общими и единичными смыслами. Этот тип нравственности освящает расширенное воспроизводство культуры и общественных отношений.

Становление либерализма — сложный процесс. Роль утилитаризма в этом процессе амбивалентна. В сущности, он является почвой, на которой пробиваются первые ростки либеральной нравственности. Однако нельзя забывать, что речь идет о развитом утилитаризме. Умеренный утилитаризм тяготеет к традиционализму и, в лучшем случае, ориентирует на «догоняющую», «насилованную», «консервативную модернизацию»³. Граница между умеренным и развитым утилитаризмом — важнейший рубикон в развитии культуры, преодоление которого означает переход от статичной парадигмы существования к динамической. Очевидным представляется тот факт, что вследствие такого рода внутриутилитарного качественного сдвига в западной культуре приоритетные позиции занял развитый утилитаризм.

¹ Идея выделения двух разновидностей утилитаризма — умеренного и развитого — принадлежит известному российскому культурологу и философу А.С. Ахиезеру. См.: *Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)*. Т. 1: От прошлого к будущему; Т. 2: Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1997–1998.

² Концепт «либерализм» здесь и дальше в тексте используется не в политическом или конкретно-историческом, но в этико-философском значении.

³ Подробнее о специфике «консервативной модернизации» см.: *Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М., 1998.

Важнейшим фактором, способствующим преодолению ограниченности умеренных и актуализацией развитых форм утилитаризма в истории культуры Запада, выступала этико-философская рефлексия, в русле которой развитый утилитаризм получил мировоззренческую аргументацию и моральную легализацию. О роли этики утилитаризма в процессах социокультурной модернизации и пойдет речь.

*Этико-философские рефлексии утилитаризма
в интеллектуальной культуре Запада*

Основные формы утилитаризма — нравственная, моральная и этическая — отличаются по степени рефлексивного осмысления бытующих утилитарных норм. Начальный уровень рефлексивного осмысления обыденной утилитарной нравственности являет утилитарная мораль — сублимированная в нормы и предписания форма нравственности. Утилитарная этика есть рефлексия второго порядка, теория морали. Мораль, как начальный уровень рефлексивного осмысления нравственных норм, как «отцеженная, уплотненная и засохшая в нормы и предписания форма нравственности» (Библер), возникает намного раньше этики. Рождение в человеческом сознании способности критического отношения к сущему и противопоставления ему некоторого идеального должного порядка О.Г. Дробницкий связывает с периодом расшатывания родо-общинных отношений⁴. Этико-философская рефлексия возникает позднее, она может быть названа рефлексией второго порядка, теорией морали, объясняющей, выводящей и систематизирующей моральные принципы. «Этика — это беспокойная совесть морали...» — утверждал Т.В. Адорно⁵. Действительно, мораль нуждается в оправдании разумом, ей необходима санкция разума на то, чтобы называться моралью.

Субъектом этико-философской рефлексии нравственности и морали выступает интеллектуальная элита — именно в пространстве интеллектуальной мысли обыденный, эмпирический утилитаризм подвергается отстраненному объективированному рассмотрению, анализу и оценке. В итоге формируются определенные этические формы утилитаризма, которые, в силу существующих в культуре прямых и обратных связей, оказывают влияние на существующие моральные нормы, способствуют или, напротив, препятствует динамике обыденного утилитаризма, морально санкционируя или дискредитируя его. «Этика не ограничивается производством знаний о морали, — отмечают современные российские исследователи, — она соучаствует также в производстве моральных добродетелей, норм, идеалов»⁶.

В русле морально-философского дискурса утилитарные смыслы бытия обретают категориальную форму, отливаются в систему концептов, терминов, понятий. Концептуальный аппарат рефлексивного утилитаризма включает такие категории, как «потребности», «интересы», «польза», «благо народа», «благо человека», «успех», «разумный эгоизм», «гедонизм», «эвдемонизм», «прагматизм», «дух мещанства», «дух предпринимательства», «достижительные ценности». Эти концепты могут выступать как распознавательные знаки, маркеры, позволяющие выявить утилитарную составляющую той или иной этической теории. Что касается самого термина «утилитаризм», то применительно к сфере моральной философии можно выделить два основных варианта его интерпретации. В узкоисторическом ключе он используется для обозначения британской этико-философской школы XIX в., представителями которой были И. Бентам, Д. Милль,

⁴ См.: Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 80.

⁵ Адорно Теодор В. Проблемы философии морали. М., 2000. С. 15.

⁶ Этика: Учеб. / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 1999. С. 31.

Дж. Ст. Милль и др. В более широком смысле термин «утилитаризм» означает специфический тип этических учений, полагающих в свое основание «правило полезности» (И. Бентам) и составляющих значительный раздел моральной философии.

Весь огромный массив мировой этико-философской мысли условно можно разделить на три ветви, представляющие соответственно три типа нравственности — традиционный, утилитарный и либеральный. Представители первой оценивали утилитаризм как явление, лежащее вне высоких моральных идеалов, представители второй, напротив, трактовали его как основу человеческой морали, наконец, сторонники третьей формировали свое отношение к утилитаризму в пространстве между однозначно негативным и позитивным его восприятием. Противостояние авторитаризма, отвергающего утилитаризм как антиидеал, и релятивизма, абсолютизирующего его как единственный источник нравственности, — лейтмотив истории этико-философской мысли, в развитии которой чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Взаимоотталкивание утилитаризма и традиционализма дополнялось взаимовлиянием, которое вело к постепенному сжатию дистанции между ними и формированию «срединной культуры» — либеральной — гуманистической этики. В истории этики существует тенденция привязки этико-философской традиции утилитаризма к западной ветви философского знания, на самом деле это не так — различного рода концептуальные формы утилитаризма существовали в разные эпохи как на Востоке, так и на Западе. Рефлексивный утилитаризм также как утилитаризм эмпирический универсален. Тем не менее можно говорить о приоритетах.

Объем утилитарных смыслов в западной культуре настолько значителен, что существует тенденция отождествления западной культуры с утилитаризмом. Отличительным качеством европейской этико-философской мысли и культуры в целом, кроме этого, можно считать ее приверженность идеалам развитого утилитаризма — индивидуализма, достижительности. Первоисток такого рода утилитарной ориентированности западной культуры следует искать в культуре античности, в античной этико-философской мысли. Удельный вес этических учений, тяготеющих к утилитарному типу в античной философии, необычайно велик, что свидетельствует о значительных масштабах обыденного массового утилитаризма. Актуализация утилитарной модели мировосприятия в массовой культуре полисной Греции была вызвана стимулами негативного характера. Отсутствие условий экстенсивного наращивания ресурсов, достаточных для существования постоянно растущего социума, рождало настроения неудовлетворенности миром, формировало позицию критического отношения к традиционным моделям жизнедеятельности, способствовало становлению антропоцентрической культурной парадигмы. Результатом «включения» утилитарной модальности отношения к миру, как набору средств, благ, становится рост разнообразия и сложности форм жизнедеятельности — развитие ремесла, торговли, мореплавания. Интенсивное продвижение утилитаризма вело к сжатию культурной архаики, подтачивало авторитет мифологических ритуальных норм поведения, препятствовало единовластному утверждению религиозно-авторитарных форм нравственности этики. Утилитаризм создавал значительные препятствия на пути установления единообразия, унификации культуры. Он способствовал формированию представлений о различии естественных, божественных и человеческих законов. Вероятно, поэтому античные греки не имели священных книг — плодов божественного откровения, а следовательно, не имели догматики фиксированной и несокрушимой.

Античный этико-философский утилитаризм возникает в виде отдельных вкраплений, ростков на фоне других типов этики: натуралистической, апеллирующей к авторитету природы; религиозной, обращенной к воле Богов, Судьбы. Зачинателем утилитарной ветви философствования можно считать Гесиода, обосновавшего разумность нравственного идеала его сопряженностью с выгодой⁷. Преемником Гесиода был Демокрит, определяющий пользу как высший критерий истины. Демокрита также принято считать предтечей теории «разумного эгоизма», ему принадлежит мысль о том, что всякая нравственность должна исходить из того, что человек — эгоист от природы⁸.

Кульминацией античного рефлективного утилитаризма может быть названа дискредитирующая мифологические формы мышления и провозглашавшая главенство практического разума моральная философия софистов. Ведущая идея учения софистов — относительность нравственных норм, которые, включая и действующее право, выдуманы обществом в своих интересах, — становится инструментом освобождения человека от опеки законов авторитарной нравственности.

Один из ярких показателей антитрадиционализма софистов — утилитарное отношение к религии. Образцы утилитарного манипулирования религиозными идеями демонстрировал Протагор. Одним из авторов утилитарной версии происхождения религии был Продик, констатирующий: «...те предметы, которые были полезны для жизни людей, были занесены в число богов»⁹. В. Вундт комментирует религиозный нигилизм софистов как механизм преодоления морального отчуждения: «Признавая людей творцами религии, обычаев и права, софистика прежде всего подорвала в основе мораль вообще: она рассматривала нравственность как произведенный продукт, который поэтому может быть изменен по свободному желанию индивидов»¹⁰. В философии софистов проступают контуры идеи утилитарной моральной автономии личности. Трезво мыслящий человек, согласно воззрениям «учителей мудрости», сам устанавливает свои собственные нравственные нормы, во всем следуя собственному удовольствию и интересам. Тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей...», переворачивая традиционные представления о человеке как исполнителе существующих вне его законов морали, утверждал новый взгляд на человека как законодателя, задающего меру вещам, формирующего нормы человеческого бытия. Исследователи отмечают: «Софисты обосновывают право человека смотреть на окружающий мир сквозь призму своих — человеческих — целей и интересов»¹¹.

Общим для софистов было не только десакрализация человеческих законов, но и противопоставление закона природе по формуле: «природное — вечно, закон — случаен». Таким образом, утилитаризм софистов не был свободен от некоторых натуралистических установок. Однако натурализм софистов сильно отдавал утилитаризмом. Апелляция к природе служила не целью, но средством утверждения утилитаристских идеалов. Например, в ответ на потребность преодоления полисного изоляционизма, столь настоятельную в условиях развития обмена, торговли и т.д., возникает идея равенства людей, аргументируемая их природным единообразием (аргументы натуралисти-

⁷ См.: Гесиод. Работы и дни. Земледельческая поэма / Пер. В. Вересаева. М., 1927.

⁸ См.: Виц В.В. Демокрит. М., 1979. С. 139–156; Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. 4-е изд. М., 1981. С. 397.

⁹ Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1, Ч. 1. С. 319.

¹⁰ Вундт В. Введение в философию. М., 1998. С. 327.

¹¹ Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 51.

ческого характера в античной философии использовались и для обоснования неравенства людей). Антифонт утверждал: «Тех, которые происходят от знатных родителей, мы уважаем и чтим, тех же, которые не из знатного дома, мы не уважаем и не почитаем. В этом мы поступаем по отношению друг к другу как варвары, потому что по природе мы во всех отношениях равны, притом одинаково и варвары, и эллины»¹². Его единомышленником в этом вопросе был Гиппий, считающий, что сама природа соединила людей, поэтому нет никакого смысла разделять граждан одного города от другого, а также дискриминировать внутри одного и того же города¹³. Так под нажимом утилитарных требований софисты разделялись с предрассудками исключительности эллинов среди других народов, провозглашая новые для греков идеалы космополитизма и эгалитаризма. Вместе с тем уже Антифонт обнаруживает одно из ключевых противоречий утилитаризма — противоречие общественного и личного интереса, которое трактуется им как антагонизм искусственного закона людей и естественного закона природы¹⁴.

Несомненно, утилитаризм софистов в целом был необычайно двойствен и противоречив. В нем причудливо переплетались позитивные — творческие, созидательные — и негативные — потребительские, манипуляторские мотивы. Например, выдвигаемая софистами концепция антропоцентризма помимо идеалов моральной автономии личности несла в себе идеалы крайнего, граничащего с беспринципностью и цинизмом морального релятивизма, а также содержала зачатки потребительского, объектно-вещного отношения к миру, природе.

Значение моральной философии софистов в истории западного мышления сопоставимо с интеллектуальной революцией — сместив философскую рефлексию с проблематики физиса и космоса на проблематику человека, «учителя мудрости» стали открывателями гуманистического периода в античной философии. Собственно говоря, именно софисты положили начало этике как философской дисциплине. При этом усилиями софистов этой дисциплине была задана критическая ориентация — этика выступала как сфера критического анализа существующих моральных норм.

Философия софистов имела значительное влияние и на массовую культуру — морально санкционируя рост массового утилитаризма, она способствовала освобождению нравственности от родовых авторитетов, стимулировала восхождение античной демократии. Однако, несмотря на всю прогрессивность и либеральные черты, утилитарный гуманизм софистов был недостаточно плодотворен: разрушая старый порядок — мифологическую культуру, он не создавал нового. Гипертрофия ценностного релятивизма вела к хаотизации культуры, а порождаемый ею дискомфорт стимулировал актуализацию авторитарных форм нравственности.

Торжество морального авторитаризма в эпоху эллинистических монархий ставит заслон развитию утилитарной нравственности. Утилитаризм становится предметом критики с позиций различных форм авторитаризма. Эту традицию в классическую эпоху заложил Платон, который называл утилитаризм «торгашеской» добродетелью, этикой невежд, погруженных в суету земной жизни¹⁵.

Антиутилитарные интенции присущи моральной философии эллинистической эпохи. Конечно, «утилитарный опыт» культуры не мог исчез-

¹² Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 321.

¹³ См.: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. СПб., 1994. С. 60.

¹⁴ См.: Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 320–321.

¹⁵ Платон. Соч.: В 3-х т. М., 1968–1972. Т. 2. С. 28.

нуть бесследно, отдельные элементы утилитаризма присутствуют во многих этических учениях эллинизма, но, утрачивая активный, созидательный дух, они соединяются с принципами авторитарной морали, главным образом натуралистической, полагающей природу главным авторитетом. Критический дух сменяется скептическим и религиозным.

Философия скептицизма, например, проповедует отказ от всякой самодеятельности, безропотную покорность, примиренчество с окружающей средой и согласованность деятельности с законами, обычаями и нравами своей страны¹⁶.

Стойки, реставрируя космологизм Гераклита, обосновывают этику законами Космоса. Бесстрашие, высочайшая и непоколебимая моральная выправка, честно выполняемый долг и презрение к потребностям — основные категории стоической этики — характеризуют ее как образец авторитаризма¹⁷.

Критическую позицию по отношению к утилитарным смыслам бытия занимала моральная философия кинизма, разоблачающая погоню за удовольствиями, очарованность богатством, жажду славы, блеска и успеха как иллюзии, двигающие поведением людей¹⁸.

Пример модификации утилитаризма — философия Эпикура, которую условно можно назвать «негативным утилитаризмом». Выдвигая принцип «Отсутствие потребности в удовольствии — самое чистое удовольствие», этика Эпикура ориентирует не на рост благосостояния, но на аскетизм и надеяние, это этика выживания, но не развития¹⁹.

Утрата утилитаризмом активной позиции определяет его дальнейшую судьбу: утилитаризм подавляется авторитаризмом. Плотин, например, определяет путь добродетели как путь возврата к Абсолюту²⁰. В русле гностических учений кристаллизуются дуалистическое противопоставление материального мира как абсолютного зла и божества как абсолютного блага.

Таким образом, в рамках моральной философии античности постепенно формируется этика утилитаризма с присущим ей набором противоречивых идей релятивизма, атеизма, агностицизма, нигилизма, космополитизма, эгалитаризма, индивидуализма, профанного гуманизма. Несомненно, античный утилитаризм имеет специфические черты. Как подобает развитому утилитаризму, он ориентирует человека на активизацию деятельности, однако далеко не всех ее форм — предпочтение отдается политической, научной, художественной, образовательной деятельности. Софистов, например, можно назвать экспертами в сфере искусства достижения политического успеха. Вместе с тем проблема преобразования материальной среды обитания, экономическая активность, оставалась за рамками античного утилитаризма. В сущности, античный утилитаризм не дорос до идеи преобразования мира, идеи прогресса, идеи отношения к труду как достойному занятию. При всей своей демократической направленности античный утилитаризм оставался элитарным учением, этикой избранных. Возможно, по этой причине утилитаризм подавляется этикой авторитарного типа.

Этика раннего европейского средневековья несла в себе ярко выраженную авторитарную направленность. Идея опоры на трансцендентный авторитет приобретала в ее рамках крайние ригористические формы. Тем не менее динамика моральной философии средневековья — процесс мед-

¹⁶ См.: Лосев А. Ф. Словарь античной философии. М., 1995. С. 183.

¹⁷ Там же. С. 82.

¹⁸ См.: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 240—260.

¹⁹ См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 216.

²⁰ См.: Блонский П. П. Философия Плотина. М., 1918. С. 47.

ленного прорастания утилитарных смыслов на почве традиционализма. Рост массового утилитаризма — развитие торговли, денежного обращения, ремесленно-цеховых отношений, урбанизации — инициировал становление новой морали, примиряющей бога с греховным миром, веру с разумом, реабилитирующей земные цели, отказывающейся от морального радикализма в пользу морального компромисса. Примером такой морали может служить этика Фомы Аквинского, соединяющая несоединимое — притязания на земное счастье и потустороннюю ориентированность поведения человека, эвдемонизм и телеологизм.

Всплеск утилитаризма — эпоха Возрождения. Для этого периода характерен возврат ко многим утилитарным идеям античности, ненавистному для христианских философов учению Эпикура. Однако утилитаризм Возрождения не являлся механическим воспроизведением античных идей, поскольку содержал принципиально новые интенции. Эвдемонизм Возрождения приобретает достижительный облик. Например, по представлениям Леона Баттиста Альберти, человек рождается для того, чтобы производить, добывать себе счастье²¹. Антропоцентризм Возрождения отливается в активно-созидательные формы — средневековому идеалу «царства Бога», неосуществимого на земле, гуманисты Возрождения противопоставляют земной идеал «царства человека». Этот идеал находил воплощение в возрожденческих утопиях, однако в целом утилитаризм Возрождения отнюдь не был иллюзорным и утопичным. Наглядным доказательством его действительности может служить политическая этика Макиавелли, противопоставляющего доктрине долженствования «правду вещей» — реальные пути достижения политического успеха²². Симптоматично, что Макиавелли полагал себя выразителем интересов народа, под которым он понимал наиболее зажиточные и активные сословия городских жителей — купцов, ремесленников, чья многообразная трудовая активность обеспечивала процветание Флоренции.

Теоретическое обоснование и моральная легализация обыденного утилитаризма в пространстве этико-философского дискурса Возрождения играли поливалентную роль: во-первых, способствовали освобождению новых буржуазных отношений от оков традиционной феодальной морали; во-вторых, расширяли моральные горизонты общества, включая в сферу должного буржуазные добродетели; в-третьих, морально санкционируя частнособственнические, предпринимательские интересы, стимулировали рост производительного предпринимательства, частной инициативы, т.е. обыденного утилитаризма. Беспрецедентные масштабы последнего, в свою очередь, стимулировали расширение этического утилитаристского дискурса, расцвет которого наступает в эпоху Нового времени.

Интеллектуальная культура Нового времени пропитана утилитаристскими идеями. Классический рационализм как метод упорядочения мира, выдвигаемый нововременной философской парадигмой, в целом был неотделим от некоторых типично утилитаристских нравственных интенций, например, объектно-вещного взгляда на Вселенную как заводной механизм. Моральная философия этого периода выступает как рефлексия над социально-нравственной ситуацией быстро развивающегося капитализма.

²¹ *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск. М., 1987. С. 378–379.

²² *См.: Макиавелли Н.* Государь и Рассуждение на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. *См.: История философии: Запад — Восток — Россия (книга вторая: Философия 15–19 вв.).* 2-е изд. М., 1998. С. 19.

Если попытаться определить место этического утилитаризма в моральной философии Нового времени, необходимо выделить некоторые основные направления этической мысли. Два из них можно отнести к традиционному типу. Первое зиждилось на идее божественного происхождения нравственности, религиозной заданности моральных норм. Второе, настаивая на автономии нравственности от религии, полагало основным авторитетом природу, определяло нравственность как врожденное, природное чувство. При этом вектор динамики философской мысли Нового времени определялся отчуждением от религиозного авторитаризма и партиципацией к природе как источнику нравственных норм. Утилитаризм как этико-философское учение формируется в пространстве «между» двумя формами авторитаризма, не отрицая ни один из них, используя элементы каждого, он создавал прецедент «срединной культуры». Важно, что в пространстве этой утилитарной «срединной культуры» происходит постепенное формирование либеральной — гуманистической — этики.

Отправной точкой утилитарной линии моральной философии Нового времени следует считать учения Ф. Бэкона и Р. Декарта, которые хотя и не создали специальных произведений по этике, тем не менее заложили общий методологический и аксиологический фундамент нововременного философского утилитаризма. Ведущий лейтмотив методологических изысканий двух великих ниспровергателей схоластики — отказ от слепого подчинения авторитету, пропаганда опытного, рационального знания — имел утилитарную, прагматическую подоплеку. Конечной целью освобождения философии от пут богословия виделось ее превращение в средство достижения человеческого блага. «Вместо умозрительной философии, преподаваемой в школах, можно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех прочих окружающих нас тел, так же отчетливо, как мы знаем различные ремесла наших мастеров, мы могли бы наравне с последними использовать и эти силы во всех свойственных им применениях и стать, таким образом, как бы господами и владельями природы», — утверждал Декарт²³. Усилиями Декарта и Бэкона артикулируются и получают моральную санкцию некоторые типично утилитаристские нравственные феномены. Такие, например, как: утилитаристская идея освобождения нравственности от религии и подчинения ее задачам достижения человеческого блага, утилитаристский принцип эффективности, репрезентируемый как оптимальная стратегия поведения индивида; утилитаристский культ машины, воплощенный в культе механики, наделяемой статусом универсальной теории.

Более детальную расшифровку идеи утилитаризма получают в творчестве Т. Гоббса и Д. Локка. Социально-этические концепции этих мыслителей содержат теоретическое обоснование и моральную аргументацию важнейших положений массового, буржуазного утилитаризма.

Моральный герой Т. Гоббса — эгоистический индивид, ориентированный на пользу, власть, успех. Основным средством теоретического обоснования и морального оправдания утилитарного индивидуализма у Гоббса становится апелляция к природным потребностям человека, осмысляемым как главное основание нравственности. Стремление каждого индивида к удовлетворению природных потребностей — телесных и душевных (честолюбие) — квалифицируется Гоббсом как «естественный закон». Ученый разъясняет: «Естественный закон есть предписание или найденное разумом общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средства к ее сохране-

²³ Декарт Р. Рассуждения о методе. М., 1953. С. 54.

нию, и упускать то, что он считает наилучшим средством для сохранения жизни»²⁴. При этом, как мыслит Гоббс, в вопросах благополучия, выгоды и самосохранения не может быть верховного авторитета, поскольку любое умозаключение носит частный и ограниченный характер. И поскольку «каждый сам является судьей в вопросах собственного самосохранения и благополучия», следует предоставить самому индивиду право на различие добра и зла. Таким образом, Гоббс выступает не просто как апологет утилитарной нравственности, но как «...защитник утилитарной автономии, он делает акцент не на выгоде просто, а на самостоятельно усмотренной выгоде...»²⁵. Выдвинутая Гоббсом идея утилитарной автономии индивида служила не только орудием эмансипации моральных норм от традиционных (общинных, цеховых, конфессиональных) регламентаций, но являлась важнейшим способом моральной легитимации достигательных установок. Основным отношением между индивидами, в видении Гоббса, выступает конкуренция. «Постоянно обгонять всех есть счастье. Смотреть на тех, кто находится позади, есть слава», — провозглашал мыслитель²⁶. Утверждение достигательного идеала, в свою очередь, открывало пути морального оправдания богатства: «Если богатство не унаследовано, а приобретено собственными усилиями — оно есть благо. Это богатство приятно и является для каждого доказательством собственной рассудительности»²⁷. С помощью такого рода аргументов Т. Гоббс снимал моральное табу с таких феноменов человеческого бытия, как стремление к материальному и социальному комфорту, жажда успеха, богатства, славы. Т. Гоббс был одним из тех, чьими усилиями закладывался моральный фундамент развитого утилитаризма в европейской культуре.

Еще более углубленную этическую интерпретацию нравственные идеалы развитого утилитаризма находят в философии Д. Локка. Его философско-правовые трактаты, обращенные к исследованию государства, права, собственности, по мнению ряда исследователей, на самом деле преследовали цель аналитического исследования форм должностования, которые выработало раннебуржуазное правосознание²⁸. В марксистской литературе за Д. Локком закрепилось звание идеолога буржуазного индивидуализма. Этика Д. Локка, в видении К. Маркса и Ф. Энгельса, служила моральным оправданием буржуазных норм, доказывала, что «...буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок»²⁹. Действительно, утверждение утилитарной автономии личности (предоставление индивиду права самостоятельного выявления собственной пользы и вреда), определение труда, ориентированного на достижение индивидуального благополучия, как ведущей формы жизнедеятельности, объявление честной конкуренции, равнопартнерства и добровольного взаимоиспользования «естественными», данными от природы состояниями человеческого общежития в философии Локка являлось средством научного обоснования и морального санкционирования развитого утилитаризма — нравственной основы производительного, промышленного капитализма. В «Трактате о государственном правлении» Локк формулирует три основных прирожденных права личности: право на жизнь, свободу и собственность. Последнее становится

²⁴ Гоббс Т. Избр. произведения. М., 1964. Т. 1. С. 149.

²⁵ Философия эпохи ранних буржуазных революций / Ред. коллегия: Т.И. Ойзерман, В.М. Богуславский и др. М., 1983. С. 237.

²⁶ Гоббс Т. Избр. произведения. М., 1964. Т. 1. С. 492.

²⁷ Там же. С. 379.

²⁸ См.: Философия эпохи ранних буржуазных революций... С. 249.

²⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 62.

предметом особенного внимания Локка. Квалификация собственности как продукта трудовой деятельности выступает одновременно в качестве аргумента в пользу морального оправдания частнособственнических интересов, а также «работает» на повышение ценности труда, хотя и типично утилитарное (труд ценен, поскольку он в высшей степени полезен). Локк пишет: «Хотя предметы природы даны всем сообща, но человек, будучи господином над самим собой и владельцем своей собственной личности, ее действий и ее труда, в качестве такового заключал в себе самом великую основу собственности...»³⁰. Необходимо отметить, что снятие возложенного религиозной моралью морального табу с таких феноменов, как частнособственнические интересы, достижительные устремления и личная инициатива, имело далеко идущие последствия в социальной и экономической сферах жизни общества. Можно утверждать, что промышленная революция имела своим движителем революцию моральную. Кроме этого, утилитаристская этика была той почвой, на которой прорастали либеральные принципы, например, принцип незыблемости частной собственности как гарантии возможности для отдельного человека реализовать свои цели, развивать свои способности. Эту потенциальную либеральную направленность утилитаризма, точнее говоря, развитого утилитаризма, отмечает Р.Г. Апресян: «В широком социально-философском плане принцип полезности оказывается одной из идейных предпосылок гражданского общества как системы политико-правовых и экономических механизмов, духовных представлений и соответствующих нормативных регулятивов, гарантирующих автономию индивидов, их равенство перед законом, охрану их имущества и юридических прав, возможность для каждого в меру своей готовности реализовать собственный интерес»³¹.

Оригинальную форму апология развитого утилитаризма приобретает в творчестве Б. Мандевиля. В его знаменитом стихотворном памфлете «Басня о пчелах» утверждение позитивной функции развитого утилитаризма в обществе осуществляется в форме «доказательства от противного». Порок, по Мандевилю, — «любое человеческое действие, направленное на удовлетворение потребностей», а добродетель — «любое действие, противоположное человеческим потребностям, ибо обуздывает страсти». Невозможно, чтобы общество богатело и процветало без людских пороков, поэтому порок — позитивен, а добродетель — негативна. По мысли Мандевиля, эгоизм, тщеславие, себялюбие, стремление к роскоши способствовали процветанию ремесел и торговли, что в итоге вело к благополучию, как богатых, так и бедных.

*Так и порок становится выгодным,
 Когда он украшен и связан правосудием.
 Более того, если какой-нибудь народ хочет быть великим,
 Порок также ему необходим, как голод,
 Чтобы заставить людей питаться.
 Одна добродетель не может сделать народы процветающими;
 Кто хотел бы возродить золотой век,
 Должны быть готовы не только стать честными,
 Но питаться желудями»³².*

Необходимо заострить внимание на том, что в «Басне о пчелах» появляется важнейшая для западной моральной философии и для культуры в целом идея — идея буржуазной критики социалистических утопий, т.е.

³⁰ Локк Дж. Соч.: В 3-х т. М., 1985. Т. 3. С. 287.

³¹ Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М., 1995. С. 230.

³² Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 63.

критики умеренного утилитаризма с позиций развитого. Впоследствии в работах представителей классического утилитаризма этот сюжет станет одним из ключевых.

В целом идея морального оправдания обыденного развитого утилитаризма — буржуазного достигательного индивидуализма — в эпоху Нового времени волновала многие умы. Во Франции она облекается в форму теории «разумного эгоизма». Самый яркий ее проповедник идеолог французской революционной буржуазии К.А. Гельвеций трактовал себялюбие и правильно понятый личный интерес как основы всей морали: «...самолюбие есть единственное основание, на котором можно построить фундамент полезной нравственности»³³. Центральным понятием творчества Гельвеция становится понятие «интерес», которое мыслитель интерпретирует широко: «В обычном употреблении слово интерес суживается до значения: любовь к деньгам; просвещенный читатель поймет, что я беру это слово в более широком смысле и что я применяю его ко всему, что может доставить нам удовольствие или избавит нас от страдания»³⁴. Концепция интереса Гельвеция, таким образом, была одной из модификаций этики утилитаризма. Само слово «интерес» пользовалось необычайной популярностью у идеологов французского Просвещения, именно их усилиями понятие «интерес» входит в утилитаристский этико-философский дискурс, занимая в нем положение, равнозначное понятию «польза».

Наиболее полное и систематизированное и последовательное отражение массовый нововременный утилитаризм находит в трудах представителей классического утилитаризма. Под термином «классический утилитаризм» следует понимать этико-философскую школу, главой которой принято считать И. Бентама. В рамках этой чрезвычайно авторитетной в Новое время традиции морального философствования прорабатывались важнейшие идеи развитого утилитаризма. Классический утилитаризм как этико- и социально-философская школа возникает в результате синтеза идей Т. Гоббса, Д. Локка, Б. Мандевиля, французских теоретиков «разумного эгоизма». Однако ключевой проблемой классических утилитаристов становится не столько этическое обоснование индивидуализма, таковое уже было делом осуществленным, сколько осознание еще Гоббсом и Локком главное противоречие утилитаризма — противостояние общественных и индивидуальных интересов, конфликт единичного и всеобщего блага, частной и всеобщей пользы. Эта проблема осмысливается как стержневая, поскольку от ее решения зависела судьба самого утилитаризма — возведение его в статус моральной доктрины общества требовало согласования утилитарного индивидуализма с коллективными интересами целого. До той поры, пока утилитаризм не включал альтруистические мотивы, общественной моралью он мог оцениваться только лишь как явление аморальное.

Основным вопросом моральной философии английских утилитаристов становится проблема отношения индивида и общества, определение некоторого принципа, который был бы способен обеспечить гармонию частных и общественных интересов. Решение этого вопроса осуществлялось в духе развитого утилитаризма — принципы альтруизма выводились из эгоистических установок. Примером такого решения могут служить этические взгляды позднего А. Смита — предтечи И. Бентама, который вывел утилитарную формулу «естественной гармонии» — совпадения неосознаваемого эгоизма с благосостоянием всех. По Смиуту, преследуя цель собственного обогащения, каждый индивид способствует общему благососто-

³³ Гельвеций К. Соч.: В 2 т. М., 1973—1977. Т. 1. С. 311.

³⁴ Гельвеций К. Соч. М., 1973. Т. 1. С. 183.

янию. Исходной мотивационной основой поступков людей является эгоистический интерес, поэтому человек скорее достигнет своей цели, утверждал А. Смит, если обратится не к гуманности других, а к их эгоизму, если он будет говорить не о своих нуждах, а об их выгодах: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе... Именно таким путем мы получаем друг от друга преимущественную часть услуг, в которых мы нуждаемся»³⁵. Мудрость, в видении Смита, состоит в том, чтобы, оставив за индивидом свободу достижения максимального благосостояния, обеспечить каждому максимальную безопасность. Впрочем, выведение альтруизма из эгоизма не исключало многообразия способов обоснования альтруистических мотивов поведения. Здесь можно выделить ряд направлений.

Первое направление — социологический утилитаризм — в качестве ведущей инстанции, насаждающей альтруистические нормы, полагал общество, государство. Согласно социологическим утилитаристам человек изначально эгоистичен, поэтому необходимо принуждать его к альтруизму, используя при этом его эгоистическую суть — внушая, что, содействуя благу других, он служит собственному благу. Силой, побуждающей к альтруизму, может быть общество (Т. Гоббс), Бог и общество (Д. Локк), воспитание, внушение альтруистического энтузиазма (К.А. Гельвеций). В русле социологического утилитаризма формировалась концепция И. Бентама.

Приверженец социального номинализма Бентам интерпретировал общество как сумму составляющих его индивидов, соответственно общественный интерес понимался им как сумма интересов отдельных членов, соответственно всеобщее счастье трактовалось как сумма счастья индивидуальных судеб. «Напрасно толковать об интересе общества, не понимая, что такое интерес отдельного лица», — настаивал английский моралист³⁶. Таким образом, теоретически снимался антагонизм между частным и общим интересами, индивидуальной и общественной пользой. Задача заключалась только в упорядочении интересов, приведении их к некоторому общему знаменателю. Средством достижения этой цели, в видении Бентама, должна служить «моральная арифметика» — расчет полезного эффекта всех принимаемых решений. Мораль, следовательно, превращается в искусство калькуляции, количественного анализа удовольствий, с тем чтобы производить наибольшую сумму счастья. Тезис Бентама «Максимум возможного счастья для наибольшего числа лиц» несет идею гармонии частных интересов на основе утилитаристского микрорационализма, компромисса. Таким образом, в этике Бентама проступают элементы рационализма, хотя, несомненно, утилитарного свойства, поскольку ведущим принципом остается принцип пользы.

Последователь Бентама Дж. Ст. Милль иначе решил проблему соотношения общей и индивидуальной пользы. Стремясь смягчить холодную расчётливость, присущую утилитарной этике Бентама, романтизировать утилитаризм, Дж. Ст. Милль связывал свободу с принципом полезности. Он полагал, что индивидуальная свобода в обществе не должна ограничиваться, т.к. она способствует достижению людьми счастья и процветания: «...свободное развитие индивидуальности есть одно из первенствующих существенных благ, оно есть ...элемент, сопутствующий тому, что обозначается выражениями: цивилизация, образование, воспитание, просвещение...»³⁷. Решая, как совместить социальную справедливость со свободой индивида, Милль уповал на воспитание и образование, способствующие развитию

³⁵ Смита А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 28.

³⁶ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 11.

³⁷ Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. СПб., 1900. С. 302.

альтруизма, укрепляющие общественную солидарность: «...утилитарианский принцип требует, чтоб каждый индивидуум был доведен до сознания, что его собственное счастье для него невозможно, если его поступки будут противоречить общему счастью, — он требует, чтоб стремление к общему счастью сделалось обычным мотивом поступков каждого индивидуума и чтобы этот мотив имел широкое и преобладающее значение в человеческой жизни»³⁸. Подобно другим классическим утилитаристам, Дж. Ст. Милль был противником социализма, несущего, по его мнению, в себе опасность удушения свободы индивида: «...с маленькими людьми нельзя сделать ничего великого», — утверждал великий утилитарианин³⁹.

Второе направление утилитаристской этической мысли — биологический утилитаризм — связан с именами Ч. Дарвина, Г. Спенсера. Проблема компромисса между эгоизмом и альтруизмом решалась, в рамках этой разновидности утилитаристской этики, на основе апелляции к природе, которая, в представлении Спенсера, слила воедино нравственное и полезное. Подобно другим утилитаристам, Спенсер отстаивал тезис первичности индивида в обществе, утверждая, что эгоистический интерес есть один из основных инстинктов человека. Альтруистическое начало как вторичное происходит из эгоистического — оно рождается в процессе борьбы за существование как результат понимания выгоды кооперации⁴⁰. Накапливаемый альтруистический опыт, в представлении Спенсера, закрепляется в клетках головного мозга и передается по наследству. Таким образом, и эгоизм и альтруизм — суть инстинкты человека, между которыми существует взаимосвязь: «...общее счастье может быть достигнуто главным образом посредством надлежащего преследования каждым индивидуумом своего собственного счастья, и наоборот, счастье каждого индивидуума может быть достигнуто отчасти путем преследования общего счастья»⁴¹.

Третье направление — психологический утилитаризм, элементы которого появляются у Д. Гартли, П.А. Гольбаха, представлен трудами Д. Юма, А. Смита, Л. Фейербаха. В видении психологических утилитаристов в основании альтруизма лежит свойственное человеку чувство симпатии, сочувствия. Например, ранний А. Смит вводит понятие «идентификация с помощью симпатии». В видении мыслителя — любое действие лишь в том случае достигает успеха, если человек способен войти в положение других людей и солидаризироваться с помощью чувства симпатии с их чувствами⁴². Л. Фейербах рассматривает любовь как присущее человеку стремление к солидарности. «В чем ином может состоять задача морали, как не в том, чтобы с помощью знаний и воли возвести до уровня закона человеческого мышления и действия единство собственного и чужого счастья, которое заложено в природе вещей, в самой общности воздуха и света, воды и земли?» — вопрошал немецкий философ⁴³.

Четвертое направление — позитивистский утилитаризм — в лице О. Конта в качестве главного фактора общественной интеграции объявлял позитивную науку — философию. Человек, по Конту, думает о своем частном интересе, забывая социальный интерес. Это несоответствие должно быть устранено посредством управления, назначение которого в сдерживании рассеивания идей, чувств, интересов. Управление осуществляется при помощи

³⁸ Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. СПб., 1900. С. 115.

³⁹ Там же. С. 426.

⁴⁰ См.: Спенсер Г. Основание науки о нравственности. СПб., 1880. С. 273—302.

⁴¹ Там же. С. 298.

⁴² См.: Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997.

⁴³ Цит. по: Гусейнов А.А., Иррилиц Г. Краткая история этики. М., 1987. С. 489.

убеждения, но не насилия. Источником умственной гармонии и интеллектуального согласия, по мнению Конта, должна быть только положительная философия, которая может осуществить план всемирной ассоциации людей⁴⁴.

Несомненно, утилитарный способ выведения альтруизма из эгоизма был противоречив и не свободен от определенного количества алогизмов. И тем не менее важнейшим достижением классического утилитаризма стало моральное оправдание индивидуализма; демонстрация, быть может, недостаточно убедительная, его совместимости с альтруизмом, гуманизмом. Другой не менее значимой заслугой классических утилитаристов была критика теорий уравнительной справедливости, утопического социализма. Ее можно обнаружить в трудах Бентама, Милля, Конта, Спенсера и др. Позитивная роль этой критики заключалась в том, что, дискредитируя идеалы умеренного утилитаризма с позиций развитого, она способствовала динамике самого утилитаризма, его переходу от умеренных форм — к развитым. Д. Юм, например, писал: «Историки и здравый смысл могут просветить нас относительно того, что, какими бы благовидными ни казались идеи полного равенства, реально, в сущности, они неосуществимы. И если бы это было не так, то это было бы чрезвычайно пагубно для человеческого общества. Сделайте когда-нибудь имущество равным, и люди, будучи различными по мастерству, прилежанию и трудолюбию, немедленно разрушат это равенство. А если вы воспрепятствуете этим добродетелям, вы доведете общество до величайшей бедности и, вместо того чтобы предупредить нужду и нищету, сделаете ее неизбежной для всего общества в целом»⁴⁵.

Вместе с тем в русле общей направленности европейской этико-философской мысли XVII–XIX вв. на анализ и легитимизацию утилитарных смыслов человеческого бытия складывается и иная тенденция — нацеленная на моральное утверждение умеренного утилитаризма, романтизацию и популяризацию его идеалов.

Активным пропагандистом идей умеренного утилитаризма был один из авторов популярного в эпоху Просвещения мифа о добром дикаре Ж.Ж. Руссо. Его философия выступала одновременно прообразом социалистической критики цивилизации и закладывала фундамент такого, основанного на идеалах умеренного утилитаризма, идеологического движения, как популизм.

Однако главными пропагандистами идей умеренного утилитаризма, подкрепленного значительной долей традиционных, архаичных ценностей, выступали идеологи утопического социализма. Общим местом в трактатах социалистов-утопистов была, например, идеализация «золотого века», патриархальных отношений, обычаев деревенской общины, родовых порядков, сохраненных на окраинах цивилизации. «Если вы хотите заложить фундамент совершенной республики, я советую ...отправиться искать себе граждан в лесах Америки или Африки», — писал Г. Мабли⁴⁶. Социальный идеал, выдвинутый социалистами-утопистами, зиждился на принципе подчинения индивидуального интереса общему. Основными заповедями «Нового общественного евангелия», как называли утопический социализм, были идеи уравнительной «арифметической» справедливости, общественной собственности, апология коллективизма и решительная критика индивидуализма, частной собственности, предпринимательства. «Я полностью убеж-

⁴⁴ *Конт О.* Дух позитивной философии // Западно-европейская социология 19 в.: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М., 1996. С. 27–28.

⁴⁵ *Юм Д.* Соч.: В 2-х т. М., 1965. Т. 2. С. 235–236.

⁴⁶ *Мабли Г.* О законодательстве, или Принципы законов // Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. М., 1982. С. 146.

ден, — писал Т. Мор, — что распределить все поровну и по справедливости, а также счастливо управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность»⁴⁷. Проблему распределения можно назвать ключевой в дискуссиях английских, французских, немецких социалистов-утопистов. Их объединял взгляд на богатство как источник бедности, Фурье, например, утверждал, что: «...бедность рождается при строе цивилизации из самого изобилия»⁴⁸.

Социалисты-утописты были единодушны в критике цивилизации как причины бедствий народных масс. Английский социалист-утопист Ч. Гольб доказывал, что масса беднеет благодаря «цивилизации»: «...рост богатства и силы одних вызывает увеличение бедности и подчиненности других»⁴⁹.

Наконец, едва ли не самым большим пороком современного общества социалисты-утописты объявляли индивидуализм: «Индивидуализм, вызывающий противоречие интересов у людей и народов, не может существовать одновременно с системой, основанной на законах природы. Эти обособленные интересы и индивидуальная организация семейств с наличием частной собственности составляют существенную часть теперешней неразумной системы. Они должны быть устранены вместе со всей системой. Взамен должны возникнуть научно обоснованные объединения мужчин, женщин и детей... Эти общины будут организованы как единая семья»⁵⁰.

Идеи умеренного утилитаризма находят сторонников и за пределами лагеря социалистов-утопистов. Своеобразное преломление они находят в социальной философии К. Маркса. В советской литературе, посвященной марксистской этике, сложилась традиция решительного отмежевания марксизма от утилитаризма, что аргументировалось буржуазной, индивидуалистической направленностью последнего, тем, что коммунистическая мораль имеет своим критерием не узколичную, но общественную пользу⁵¹. При этом не отрицалась значимость самого принципа полезности в философии Маркса: «...сам по себе принцип полезности ...не содержит в себе ничего буржуазного. Отвергая буржуазное толкование этого принципа как принципа выгоды, полезности, удовлетворения личного за счет всеобщего, марксистская этика наполняет его новым содержанием, соответствующим духу коллективистской гуманистической морали»⁵². Сегодня не вызывает сомнения, что этические воззрения Маркса лежали в плоскости утилитарных представлений. Вместе с тем очевидно и коренное отличие бентамизма от марксизма, заключающееся в приверженности последнего идеалам социального реализма, идее примата общественной пользы. Проповедуемое Марксом упразднение частной собственности и, вследствие этого, «возвращение человека к самому себе как человеку общественному»⁵³ служило мощным средством морального утверждения и возвышения идеалов умеренного, уравнительного утилитаризма.

Таким образом, нравственные принципы умеренного утилитаризма, подкрепленные традиционными ценностями, также подвергались широкой теоретической проработке в этико-философской мысли Нового вре-

⁴⁷ Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 164.

⁴⁸ Фурье Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти // Утопический социализм: Хрестоматия... С. 274.

⁴⁹ Цит. по: Плеханов Г. В. Избр.: В 5-ти т. М., 1957. Т. 3. С. 549.

⁵⁰ Оуэн Р. Книга о новом нравственном мире // Утопический социализм: Хрестоматия... С. 331.

⁵¹ См. Шишкин А. Ф. О нравственных ценностях в современном мире // Вопросы философии. 1977. № 11. С. 69.

⁵² См.: Куликова Н. Н., Медзгова Я. Этика утилитаризма и современная борьба идей. М., 1986. С. 145.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 116.

мени. Однако о монополизации социалистических доктрин не могло быть и речи, в общем хоре западных моральных и социальных теорий они не исполняли солирующих партий. Широкая критика умеренного утилитаризма и традиционализма с позиций развитого утилитаризма, либерализма лишала эти теории ореола абсолютной истины. Главным препятствием на пути единовластного утверждения социалистических доктрин было развитие либеральной гуманистической этики. Ростки последней пробиваются на почве развитого утилитаризма — элементы либерализма присутствовали уже в учениях Гоббса, Локка, Бентама. Однако либерализм Нового времени был незрелым, половинчатым, противоречивым. Идеи диалога, синтеза не получили в его рамках широкой интерпретации. Нововременной этический либерализм нес на себе отпечаток утилитаризма, не случайно в современной литературе он именуется как «либертаризм»⁵⁴.

История этического утилитаризма на этом не заканчивается. В конце XIX — первой половине XX вв. сферой этической рефлексии утилитарных смыслов бытия становится философия прагматизма. Сторонником морального релятивизма был Ч. Пирс, утверждавший, что каждый индивид преследует свою цель, в силу чего у каждого — свое представление о нравственно-ценных нормах⁵⁵. Наследуя многие идеи классического нововременного утилитаризма, — например, критически-неприязненное отношение к идеалам умеренного утилитаризма, социализма, марксизма — главным понятием, организующим философский дискурс, прагматизм делает человеческое действие. Философия действия, по мнению У. Джемса, сродни психологии предпринимательства, истина в ее представлении — нечто помогающее добраться до цели⁵⁶. Путь решения старой утилитаристской проблемы сочетания частных интересов Джемс видит в компромиссе, который должен строиться так, чтобы согласовать как можно больше потребностей и минимизировать количество жалоб. Оптимальный способ поведения, по Джемсу, «прагматистская максима» — слагаемая из удобств контактирующих сторон максимальная сумма удовлетворения потребностей⁵⁷.

Наглядный пример прорастания либеральных ценностей на фоне утилитаризма дает этика другого классика американского прагматизма — Д. Дьюи⁵⁸. Дьюи выступает критиком традиционной авторитарной морали с ее идеей фиксированной, окончательной и высшей цели. Такого рода моральный монизм, по мнению ученого, неотделим от принципа иерархии ценностей. Он ведет к разделению целей на сущностные и вспомогательные, на те, которые имеют реальную ценность в самих себе, и те, которые значимы только лишь как средства достижения сущностного блага. На практике это разделение служило оправданием стойкого различия между идеальными и материальными благами. Вспомогательные цели рассматривались как грязная работа, которая не может быть предметом интеллектуального, художественного или морального внимания. Люди «идеальных интересов» избрали для себя по большей части путь пренебрежения действительностью и бегства от нее. Жестокость современной экономической жизни, по мнению Дьюи, обусловлена тем, что экономические цели долго рассматривались как чисто вспомогательные. Однако если

⁵⁴ См.: *Этика: Учебник для студентов философских факультетов вузов* / Под ред. А.А. Гусейнова. М., 1999.

⁵⁵ *Пазенок В.С.* Апология аморализма: Критический очерк буржуазного этического релятивизма. М., 1982. С. 133.

⁵⁶ *Джемс У.* Воля к вере: Пер. с англ. М., 1997. С. 401.

⁵⁷ *Фредерик Р., Петри Э.* Деловая этика и философский прагматизм // *Вопросы философии*. 1996. № 3. С. 71.

⁵⁸ См.: *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии. М., 2001. С. 130–145.

признать их сущностными и окончательными, станет понятно, что они тоже поддаются идеализации.

Дьюи критикует классический утилитаризм Бентама, который, как полагает мыслитель, никогда не ставил под сомнение идею фиксированной, окончательной и высшей цели, полагая такой целью наиболее полный из всех возможных комплект удовольствий. Потребительские инстинкты человека были преувеличены за счет творческих. Таким образом, бентамовский утилитаризм, в видении Дьюи, дал интеллектуальное оправдание тем тенденциям, которые сделали «бизнес» не средством служения обществу и возможностью развития творческой силы личности, а способом накопления средств для частного наслаждения.

Один из ведущих постулатов Дьюи — плюрализм и паритет ценностей и целей. Им решительно отрицаются моральный монизм — идея высшей фиксированной ценности и моральная иерархия — принцип подчиненности всех иных целей главной. Каждая моральная ситуация, в представлении Дьюи, является уникальной и предполагает собственное незаменимое благо. Отсюда и мораль — это не каталог действий и не набор правил, которыми можно пользоваться, как медицинскими или кулинарными рецептами. Потребность в морали — это потребность в особых методах исследования и изобретения. Каждая ситуация уникальна, следовательно, благо, соответствующее данной ситуации, нужно обнаружить, спроектировать и достичь, уничтожив конкретные недостатки. Разум должен разработать методы, с помощью которых можно было бы детально анализировать потребности, условия, затруднения, ресурсы конкретных ситуаций и разрабатывать разумные планы действий, направленные на улучшение этих ситуаций. Так происходит переход от субстанционального отношения к морали к инструментальному, мораль превращается в моральную инженерию.

Другое важнейшее положение концепции Дьюи — констатация изменчивости ценностей их подвижности, процессуальности. Моральная жизнь, по определению Дьюи, сопротивляется формализму и пустому повторению. Она стремится быть гибкой, жизненной и развивающейся. Цель — это больше не конец или предел, который должен быть достигнут, а активный процесс изменения существующей ситуации. Не совершенство как окончательная цель, но вечный процесс совершенствования, созревания и прояснения является целью жизни. Таким образом, Дьюи приходит к очень важной мысли, согласно которой высшей ценностью является не некоторое явление, фиксированное благо, а принцип. Единственной раз и навсегда данной целью является развитие и реконструкция опыта. В связи с таким пониманием высшей цели в концепции Дьюи особый статус получает образование, интерпретируемое как добывание из настоящего того уровня и рода развития, которые ему свойственны.

В целом концепцию Дьюи можно назвать радикальным утилитаризмом, утилитаризмом, который, отказываясь от всех фиксированных ценностей, остается верным одному принципу эффективности, пользы. Принцип эффективности логически подразумевает другой важный принцип — принцип развития и самосовершенствования. Таким образом, Дьюи подходит к артикуляции принципов либеральной этики самоорганизации. Вместе с тем этическая мысль Дьюи не выходит за границы утилитаризма, в ее основе лежит идея партиципации к посюсторонним, имманентным, профанным смыслам и отторжение потусторонних, сакральных, трансцендентных. Идея диалога полярных смыслов как принципа морального бытия в ней отсутствует.

Элементы утилитаризма можно обнаружить в самых различных этических учениях XX в., подобно тому, как обыденный утилитаризм состав-

ляет частицу смыслового поля культуры каждого человека, рефлексивный утилитаризм входит в качестве составляющей в различные этико-философские течения. К утилитарному типу морального философствования XX в. можно отнести учение о ситуационной логике К. Поппера⁵⁹. Утилитаристскими смыслами пропитан неопозитивизм. Например, практическая этика Дж. Мура квалифицируется исследователями как «негедонистический или идеальный утилитаризм»⁶⁰. Отстаивая принцип несводимости добра к удовольствию или пользе, утверждая его самоценность, Мур тем не менее не отрицал утилитарной значимости нравственного закона. Сам факт существования нравственных законов, в представлении Мура, свидетельствует о том, что законы эти в практическом опыте людей оправдались, поскольку ориентировали людей в направлении к общему благу: «...моральные законы есть просто утверждения, устанавливающие, что некоторые виды поступков будут иметь хорошие последствия»⁶¹. Отрицательный приговор, выносимый логическими аналитиками неverifiedируемым «метафизическим» утверждениям, распространяется также на моральную философию, этику. А. Айер полагал: «Мы находим, что этическая философия просто утверждает, что этическое понятие есть псевдопонятие и поэтому оно не должно подлежать анализу. Значит, не может быть такого явления, как этическая наука, если под этической наукой подразумевать разработку «истинной» системы морали, так как этические суждения есть просто выражения этических чувств, то нет способов определения ценности какой-либо этической системы. И, конечно, нет смысла в вопросе, является ли любая такая система истинной»⁶².

Утилитаристский моральный дискурс, затухший в период между двумя мировыми войнами, активизируется в послевоенный период. Внешним толчком оживления дискуссий по вопросам утилитарной этики стала публикация «Очерка системы утилитаристской этики» Дж. Дж. Смарта в 1961 г.⁶³ Внутренней причиной актуализации утилитаристских идей следует считать рост обывденного массового утилитаризма, изменение его форм. Этический утилитаризм XX века отличается разнообразием вариантов. В 60-е годы утилитарный моральный дискурс разделяется на два русла — утилитаризм поступка и утилитаризм правила.

Утилитаризм поступка (Дж. Дж. Сمارт, Т. Спридж) интерпретирует принцип пользы как принцип индивидуального поведения. Стремление очистить этику от тенденциозности, апологетичности, статичности реализуется через отказ от любых обобщающих понятий. Моральные принципы, в видении адептов утилитаризма поступка, выступают как рекомендации, к которым человек прибегает ввиду того, что ему не хватает времени и психических сил для постоянного взвешивания всех вероятностных последствий поступков⁶⁴.

Представители утилитаризма правил, или модернизированного утилитаризма (Дж. Эрисон, Дж. Милбот, Б. Брандт), рассматривают свою теорию как способ избавления от крайнего субъективизма утилитаризма. Один из создателей этой концепции — Р.Б. Брандт — выдвигает идею разработки

⁵⁹ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. М., 1992. С. 245–258.

⁶⁰ См.: Куликова Н.Н., Медзгова Я. Этика утилитаризма и современная борьба идей... С. 64.

⁶¹ Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999. С. 158.

⁶² Цит. по: Пазенок В.С. Апология аморализма: Критический очерк буржуазного этического релятивизма... С. 133.

⁶³ Smart J.J. Williams. Utilitarianism for and against. Cambridge, 1973.

⁶⁴ См.: Этика и идеология: Критика современных буржуазных этических концепций / Архангельский Л.М., Коновалова Л.В., Шварцман К.А. и др. М., 1983. С. 196–217.

некоторого идеального морального кодекса. Задача морального субъекта сужается до необходимости выбора самого эффективного правила в рамках этого кодекса. Утилитаризм правил, по утверждению его сторонников, полагает своим идеалом не «морального святого», но человека средних интеллектуальных способностей⁶⁵.

70–80 гг. — период рождения неоутилитаризма, идеи которого выдвигаются в центр морально-философского дискурса. Один из участников этого дискурса Д. Роулз утверждал: «Большинство этических систем современности в той или иной степени развивают утилитаристское учение»⁶⁶. Специфика неоутилитаризма заключается в отказе от гедонизма и выдвигании на первый план принципа предпочтения (*preference*). Вместе с тем разработка утилитаристских морально-ценностных нормативных систем осуществляется в довольно широком диапазоне вариантов.

Р.М. Хеар выдвигает концепцию *утилитаризма мотива*, представляющую нечто среднее между утилитаризмом поступка и утилитаризмом правил. Главный принцип этой концепции — культивирование мотивов и черт характера, которые приводят к максимально возможному добру.

Ф. Фельдман выступает как автор концепции *мировой утилитаризм*. В рамках этой концепции действие считается обязательным, если оно может совершиться в каждом положительном варианте возможных жизненных миров, доступных агенту.

В.Б. Эллис артикулирует идеи *стратегического утилитаризма*, концентрирующего внимание на изучении мира с целью отыскания наиболее эффективной стратегии поведения.

Поиск «новой морали» в западной мысли последней четверти XX столетия так или иначе связан с апелляцией к принципам утилитаризма. На теоретическом фундаменте утилитаризма поступка возводятся моральные конструкции ситуационной этики; житейские нормы и здравый смысл полагает источником современной морали интуитивизм; наконец, в рамках эмотивизма моральные понятия рассматриваются как чувства, порождаемые индивидуальными интересами⁶⁷.

Одной из причин столь высокой популярности утилитаристских идей следует считать актуализацию проблемы гармонизации интересов, вызванную модификацией самого общества, рождением новых постиндустриальных, посткапиталистических форм социального бытия. Реинтерпретация понятия «справедливость» связывается с необходимостью определения некоторой позиции в системе дуальных оппозиций: свобода или равенство, справедливость или эффективность, «равенство возможностей» или «равенство результатов».

Неолиберальный вариант концепции справедливости был сформирован американским философом, специалистом в области прав человека Д. Роулзом. Совмещая аргументацию этического рационализма и утилитаризма с теорией общественного договора, Д. Роулз формулирует принцип рефлексивного равновесия — эквилибризма, согласно которому теория справедливости не может сводиться к одному принципу, необходим баланс принципов, их компромисс. В частности, необходим компромисс принципов равенства и различия — развитое представление о справедливости

⁶⁵ См.: Медзгова Я. Историко-критический анализ современного этического утилитаризма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1984.

⁶⁶ Rawls J. *Theory of Justice*. Cambridge (Mass), 1971; Роулз Д. Теория справедливости (Фрагмент из книги/ Этическая мысль: научно-публицистические чтения / Редкол. А.А. Гусейнов и др. М., 1990. С. 229.

⁶⁷ См.: Пазенок В.С. Апология аморализма: Критический очерк буржуазного этического релятивизма. М., 1982.

не укладывается в констатацию равенства, но требует учета индивидуального вклада каждого в производство общественного богатства.

Теория справедливости Д. Роулза в конечном итоге концентрируется вокруг двух основных принципов. Первый утверждает: «...каждый должен иметь равные права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других. Второй констатирует: «...социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы: а) от них можно было бы разумно ожидать преимущества для всех, б) доступ к положениям и должностям был бы открыт всем»⁶⁸. Продуктом компромисса принципов в этике Роулза является правило «максимина», согласно которому всех людей следует обеспечить гарантированно минимальной долей в распределении социальных благ. Роулз не отрицает необходимости неравенства, которое, в его видении, есть органическая часть общественного устройства, однако он решительно отвергает несправедливые неравенства, не приносящие пользу всем людям. Следуя утилитаристскому критерию полезности, Роулз утверждает, что несправедливость проистекает не из неравенств как таковых, а лишь из таких неравенств, которые выгодны не всем членам общества. Концепция Роулза, несомненно, выходит за рамки утилитаризма. Однако, будучи либеральной, она не отвергает утилитарные смыслы, но вбирает их в свое смысловое пространство.

Этический утилитаризм и социальная динамика

Итак, западная философия отличалась необычайно широким размахом утилитарного дискурса, в русле которого оформлялись основные идеи, принципы утилитаризма, осуществлялась критика традиционных форм морали, решались внутренние проблемы утилитаризма: прорабатывался важнейший участок движения культуры от традиционализма к либерализму — сдвиг от умеренного утилитаризма к развитому. Влияние философского утилитаризма на повседневную массовую культуру было огромным. Утилитаристская этика стимулировала переход от теологического мировоззрения к юридическому. Результаты исследований Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса, Дж. Локка и др. имели огромное практическое значение. В русле этих исследований осуществлялось формирование гражданского правового идеала, ставшего фундаментом теории прав человека и гражданина.

Мадам де Сталь писала в воспоминаниях, что время, в которое она жила, потомки назовут не веком Бонапарта, а веком Бентама⁶⁹. Усилиями философов-моралистов Античности, Возрождения, Нового времени идеалы развитого утилитаризма превратились в составную часть мировоззрения западного «фаустовского» человека, инструментальный рационализм стал атрибутом западного мышления, а развитый утилитаризм в целом начал квалифицироваться как отличительная черта западной ментальности.

Из этого можно сделать вывод, согласно которому рефлексивный утилитаризм — важнейший движитель динамики обыденного массового утилитаризма. Его роль в повседневной культуре многоаспектна. Этический утилитаризм морально санкционирует существование обыденного утилитаризма. Выступая одновременно как теория морали, делающая обыденный утилитаризм предметом изучения, и как сама нравственность утилитаризма в теоретической форме, этический утилитаризм морально легализует и легитимизирует обыденный утилитаризм, является сферой, в которой артикулируются и аргументируются нравственные принципы утилитаризма, обосновывается нравственный закон, систематизируются нрав-

⁶⁸ Этическая мысль: научно-публицистические чтения / Редкол. А.А. Гусейнов и др. М., 1990. С. 229.

⁶⁹ См.: Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 189.

ственные нормы. Усилиями моральных философов утилитарного толка утилитарная нравственность обретает статус моральной доктрины, морального кодекса поведения.

В рамках рефлексивного утилитаризма формируются те или иные предпочтения, получают моральное обоснование умеренный или развитый утилитаризм, следовательно, решается проблема направленности динамики обыденного массового утилитаризма. Этический утилитаризм может стимулировать или блокировать переход от умеренного утилитаризма — к развитому в массовой культуре, поскольку, легализуя одну из форм утилитаризма как некоторый нравственный и социальный идеал, одновременно он десакрализует другую форму как антиидеал, антикультуру.

Важнейшая модернизирующая функция философского утилитаризма заключается в его направленности на критику авторитарной нравственности. В истории мировой культуры утилитарная этика являлась рупором оппозиционных настроений. Свойственный утилитаризму в целом антидогматизм в рефлексивном преломлении обретал теоретически аргументированную форму. Утилитарная этика была областью, в которой оттачивались логические доводы, обосновывающие контрпродуктивность авторитарных нравственных принципов, ущербность традиционалистской логики культуры. В пространстве рефлексивного утилитаризма артикулировались важнейшие антидогматические идеи, складывалось представление об относительности нравственных норм, нравственной автономии человека (утилитарный антропоцентризм), обосновывалась идея развития, прогресса.

Наконец, апогеем утилитарного рефлексивного дискурса можно считать идею гармонии интересов, частного и общественного, эгоизма и альтруизма. Выход к этой идее, в сущности, означал рождение диалогической логики, прораствание идеалов либерализма.

Конечно, утилитаризм как этическая традиция — явление далеко неоднородное, поэтому нельзя закрывать глаза на некоторые его негативные аспекты. Абстрагируясь от частных случаев, можно утверждать, что общим недостатком этических систем, полагающих в свое основание принцип человеческой пользы, является вытекающая из этого принципа идея абсолютизации относительности нравственных норм, нравственный релятивизм. Дезорганизующая направленность этой идеи выявляется уже в границах самого утилитаризма, который вынужден прибегать к другим дополнительным принципам структурирования и организации системы нравственных идеалов и норм. И тем не менее это не умаляет значения развитого утилитаризма как некоторой предтечи либерализма, как, в сущности, протолиберализма.

Summary

The article is devoted to a problem of modernization and liberalization of culture and a society. The author considers utilitarianism as the moral basis of modernization's processes. On an extensive historico-philosophical material it is shown, how development ethic-philosophical utilitarianism influenced mass social processes. The major modernizing function of philosophical utilitarianism, in the vision of the author of the article, consists in its orientation on criticism of authoritative morals. In a history of global culture utilitarian ethics were a megaphone of opposition moods. In the space of reflective utilitarianism the major antidogmatic ideas were articulated, there was a representation about a relativity of moral norms, a moral autonomy of the person (utilitarian anthropocentrism), the idea of development, progress was proved. It allows the author to define utilitarianism as protoliberalism.